

В. Г. АДМОНИ

ОПЫТ КЛАССИФИКАЦИИ ГРАММАТИЧЕСКИХ ТЕОРИЙ В СОВРЕМЕННОМ ЯЗЫКОЗНАНИИ

1. Предварительные замечания. Бурное развитие теории грамматики в XX в. заключается в значительной мере в создании множества новых грамматических теорий или, как это нередко формулируется, грамматик. Последние десятилетия в особенности были отмечены возникновением многих концепций, претендующих на звание общеграмматических теорий. Грамматика непосредственно составляющих, грамматика зависимостей, генеративная (трансформационная) грамматика, синтагматика, теньеровская грамматика — вот названия некоторых грамматических теорий, которые стали широко известны, а частично и разрабатываются в советском языкознании за последние годы.

Почти массовое появление ряда новых грамматических теорий в XX в. было стимулировано рядом факторов. С одной стороны, перед языкознанием (в частности, перед грамматикой) были поставлены новые практические задачи, требовавшие специфической подачи грамматического материала. Наиболее важны здесь были требования, предъявляемые машинным переводом. Впрочем уже при создании дескриптивной грамматики американского структурализма большое значение имела возникшая перед американским языкознанием задача описания строя бесписьменных языков со структурой, весьма далекой от структуры языков индоевропейских. С другой стороны, здесь ощущалось влияние со стороны математики, математической логики и других так называемых точных наук, подкрепляемое тем, что при выполнении ряда своих новых задач языковеды нередко должны были работать в тесном сотрудничестве с математиками, логицистами и т. д. Наконец, внутри самого языкознания была сформулирована точка зрения, согласно которой строй языка, понимаемый исключительно как система отношений, может быть описан самым различным образом, т. е. допускает неограниченное число теоретических обобщений¹. Все это вело к тому, что естественно возникающие в языкознании новые аспекты изучения грамматических явлений обычно оформлялись как новые грамматические теории, новые грамматики, а не как особые разделы или приемы внутри единой грамматической теории даже в тех случаях, когда такое включение по сути дела было возможным.

Размежевание между грамматическими теориями (грамматиками) проводилось и проводится в наши дни обычно по линии: старая (традиционная, классическая) грамматика — новые (структуралистские, точные) грамматики. Такое противопоставление является частью бывшего одно время чрезвычайно распространенным общего противопоставления старых и новых методов лингвистического анализа, причем старые методы полу-

¹ Ф. де Соссюр, Курс общей лингвистики, М., 1933, стр. 33.

чали наименование интуитивистских, менталистских, нестрогих, а новые наименование формальных, формализованных, строгих и т. д.

Между тем, с течением времени такое различие становится все более расплывчатым и бессодержательным. Прежде всего, сами «новые методы» отнюдь уже не могут считаться новыми. Их основы закладывались в 20-е годы, своего расцвета некоторые из них достигли уже в 30-е годы, так что за их плечами есть уже почти полувековой период развития. Показательно, что теперь уже нередко говорят о некоторых направлениях в структурализме как о старом, даже как о традиционном или классическом структурализме. С другой стороны, то, что называется традиционной грамматикой, т. е. те направления, которые развиваются в преемственной связи с грамматическими теориями прошлого, весьма сильно изменились и изменяются за последнее время, причем они часто настолько отличаются друг от друга, что являются по существу особыми грамматическими теориями.

Поэтому настала пора заново разобраться в множестве ныне существующих грамматических теорий и наметить их классификацию. Эту классификацию целесообразно провести с точки зрения той трактовки, которой в соответствующих грамматических теориях подвергается конкретный грамматический материал. Учтены при этом — по крайней мере на данном этапе исследования — могут быть, конечно, только самые общие формы трактовки материала, притом в самом общем виде, с установкой на основные принципы наиболее актуальных грамматических концепций. При этом необходимо сделать несколько предварительных замечаний.

1. Пригодность тех или иных типов грамматических теорий к выполнению основной задачи, стоящей пред языкознанием, — к постижению грамматического строения естественных языков как целого — различна. Поскольку каждый естественный язык обладает грамматической системой, образуемой взаимодействием конечного, хотя и очень значительного количества компонентов, которые находятся в чрезвычайно сложных и многообразных, но все же не бесконечных по своей сути отношениях, постольку не может существовать множества теорий, в равной степени пригодных для адекватной передачи грамматического строя в его целостности, хотя, разумеется, речь здесь может идти лишь о приближении к полному постижению грамматического строя.

Оценка данной грамматической теории или данного типа грамматических теорий этим не исчерпывается. Имеет существенное значение познавательная роль данной теории в изучении отдельных сторон языка. Оценка грамматической теории может даваться лишь в зависимости от того, в какой степени эта теория выполняет те задачи, для решения которых она создана.

В качестве грамматических теорий здесь будут рассматриваться и концепции, лежащие в основе серьезных грамматических исследований, даже если такие концепции не были эксплицитно сформулированы.

2. Рассматриваемые здесь типы грамматических теорий будут сгруппированы вокруг нескольких основных альтернатив — без претензии на исчерпывающую полностью их группировку. В частности, здесь не будет рассматриваться казалось бы основное противопоставление: теории с системным подходом к грамматическому строю и теории с атомизирующим подходом. Дело в том, что в современном языкознании, пожалуй, нельзя встретить грамматическую теорию, которая принципиально утверждала бы атомистическое, несистемное рассмотрение грамматического строя. Это не значит, что сейчас не появляется работ, в которых грамматический строй языка не предстает бы как набор отдельных явлений, не связанных с общей грамматической структурой языка.

Наиболее актуальным представляется нам противопоставление совре-

менных грамматических теорий друг другу по трем линиям: формализованные теории — неформализованные (открытые) теории, редуцирующие теории — прямые теории, одномерные (маломерные) теории — многомерные теории. Одна и та же теория, естественно, может участвовать во всех этих противопоставлениях.

2. Формализованные — неформализованные (открытые) грамматические теории. Имеется в виду подлинная формализация, а не формализация способа изложения. Применение схем и диаграмм, буквенных сокращений, разнообразной символики, основанных на такой символике формул может использоваться любой теорией с целью большей компактности и обзорности излагаемого материала. Так, схемы разных типов предложения, образованные с помощью буквенных обозначений компонентов предложения (*S* — субъект, т. е. подлежащее, *V* — сказуемый глагол и т. п.) применяются в самых различных по своим теоретическим установкам работах, например, по порядку слов. Ряд символических обозначений и формул применяется О. Есперсеном в его отнюдь не формализованной «Философии грамматики»². Формы предложения в сводном виде изображаются К. Боостом в виде таблицы с использованием ряда символических обозначений грамматических форм и т. п.³.

Под формализованной грамматической теорией здесь понимается такая теория, в основу которой положена система четко очерченных и непротиворечиво дефинированных определенных понятий (преимущественно аксиоматического характера), отбор подлежащих изучению грамматических явлений проводится в точном соответствии с этими понятиями и оперирование этими понятиями и явлениями осуществляется по строгим, точно определенным правилам. Формализованная теория своими основными определениями заранее ограничивает тот круг объектов, который будет ею рассматриваться, и заранее вырабатывает ту методiku, которой будет пользоваться при исследовании этих объектов. Таким образом, формализованная грамматическая теория по своей природе является закрытой грамматической теорией, отбирающей некоторую часть языковой действительности по строго определенным критериям и применяющей лишь определенные приемы исследования. Отдельные из отмеченных здесь черт, характерных для формализованной теории грамматики, могут встретиться в самых различных грамматических теориях, а без какого-то минимума таких черт не может обойтись ни одна теория грамматики. Но только в своей совокупности эти черты создают законченную формализованную грамматическую теорию, а систематическое применение большей части этих черт создает грамматические теории, приближающиеся к формализованности.

В современном языкознании формализованные теории широко представлены в направлениях, связанных с прикладным языкознанием. Такова, например, грамматика зависимостей, как она сформулирована, в частности, К. Харпером и Д. Хейсом⁴. Формализованы — в большей или меньшей степени — разные направления порождающей грамматики; например, в высокой степени формализованы генеративные грамматики Н. Хомского и С. К. Шаумяна. В значительной мере формализованными были некоторые структуралистские системы, особенно американский дескриптивизм и глоссематика.

² О. Есперсен, *Философия грамматики*, М., 1958, стр. 186—187, 327—329 и др.

³ К. Boost, *Neue Untersuchungen zum Wesen und zur Struktur des Satzes*, Berlin, 1959, стр. 87.

⁴ К. Харпер, Д. Хейс, *Использование машин при построении грамматики и программа для структурного анализа*, сб. «Автоматизация в лингвистике», М.—Л., 1966.

Противостоящие формализованным грамматическим теориям неформализованные теории характеризуются своей открытостью, т. е. своей принципиальной способностью включать в сферу своего рассмотрения самые различные грамматические явления, даже непредусмотренные при начале исследования, и использовать самые различные, даже не намеченные в начале исследования приемы анализа. Отправные понятия и положения намечаются неформализованными грамматическими теориями на разной основе, но они носят характер скорее рабочих гипотез и могут быть изменены в зависимости от хода и результатов исследования, т. е. и они являются как бы открытыми. Все это позволяет считать открытость важнейшим общим признаком неформализованных грамматических теорий. Открытыми были, например, грамматические теории А. А. Шахматова и А. М. Пешковского. Открытые, хотя часто лишь в малой мере эксплицитные и недостаточно систематизованные грамматические теории лежат в основе очень многих работ, создаваемых в настоящее время советскими языковедами на материале разных языков⁵.

Конечно, на деле открытая грамматическая теория может быть весьма бедной по своим материалам, по развиваемым в ней положениям и т. д. Формализованная грамматическая теория может быть, напротив, в пределах своей формализованности, насыщена большим языковым материалом, проникать в весьма сложные образования языкового строя и т. д. Но для выполнения основной задачи грамматической теории, т. е. для постижения грамматического строя языка, в принципе подходит только теория открытые. Специфика языковой действительности с ее многообразием и многосторонностью неравномерно пересекающихся рядов грамматических явлений делает возможным только такое ее адекватное отображение, которое учитывает эту зыбкость и переходность грамматических явлений, асимметричность их значений⁶, и оставляет открытыми двери для осмысления грамматических явлений с самым неожиданным раскладом грамматических признаков.

Подлинная структура грамматических категорий — это полевая структура. Не будем здесь подробно излагать, что представляет собой такая структура, так как этот вопрос уже неоднократно освещался⁷. Отметим только, что в основе полевой структуры грамматических категорий лежит неравномерное распределение у явлений, охватываемых какой-либо грамматической категорией (например, частью речи), тех грамматических признаков, которые характерны для данной категории. Лишь у части этих явлений все соответствующие грамматические признаки представлены полностью, комплектно.

Такие явления образуют ядро грамматической категории — вернее, ядро поля этой грамматической категории. У многих же явлений эти признаки представлены лишь частично, причем у разных явлений отсутствуют разные признаки в различных сочетаниях. Такие явления образуют периферию поля данной грамматической категории. Они нередко обладают

⁵ Назову в качестве «открытых» грамматических работ хотя бы такие непохожие друг на друга по исследовательской манере и по характеру изложения книги, вышедшие за последнее десятилетие, как: Н. Ю. Шведова, *Очерки по синтаксису русской разговорной речи*, М., 1960; И. М. Тронский, *Историческая грамматика латинского языка*, М., 1962; Э. В. Севортян, *Аффиксы именного новообразования в азербайджанском языке*, М., 1966; Е. А. Крейнович, *Глагол кетского языка*, Л., 1968.

⁶ С. Карцевский, *Об асимметричном дуализме языкового знака*, в кн.: В. А. Звегинцев, *История языкознания XIX и XX веков в очерках и извлечениях*, М., 1960.

⁷ См.: В. Г. Адмони, *Основы теории грамматики*, М.—Л., 1964, стр. 47—52.

признаками, характерными для других грамматических категорий, так что относятся к периферии и этих категорий. Таким образом, поля двух грамматических категорий могут иметь (и фактически часто имеют) общие сегменты своих периферий.

Такой природе грамматических явлений вполне соответствует практика открытых грамматических теорий, которые выделяют в массе грамматических явлений некие «опорные пункты» грамматических полей и намечают проекции, ведущие от этих центров к множеству различно оформленных грамматических явлений.

Формализованные грамматические теории с их жесткостью дефиниций и с установкой на формально-логическую четкость в разграничении грамматических категорий не способны зафиксировать такую картину грамматической действительности. Они обязательно — в том или ином направлении — обедняют и схематизируют ее именно потому, что они хотят формализовать ее сверху донизу как систему. Элементы формализации представлены во всех грамматических теориях, начиная с самых простейших. Выделение элементарных парадигм, которое в тех или иных формах происходит во всех грамматических теориях (для языков флектирующих и агглютинирующих в форме установления парадигм морфологических), уже есть момент формализации грамматической действительности. Без элементов формализации грамматическая теория вообще невозможна. Но полная формализация грамматической теории, позволяющая успешно применить такую теорию — и только такую теорию — для выполнения ряда прикладных задач, делает ее пригодной лишь для крайне неполного, «скелетного» отображения грамматической системы в ее реальном существовании.

Конечно, на практике полная формализованность грамматических теорий встречается редко. Неясность в восприятии формализованности или открытости многих грамматических теорий проистекает еще из того, что широкое употребление символики, логико-математической терминологии, моделей и схем разного вида и т. п. часто воспринимается как признак формализованности теории.

3. Редуцирующие грамматические теории — прямые грамматические теории. Для редуцирующих грамматических теорий конкретные грамматические формы, выступающие в речевой цепи и входящие в языковые парадигмы, представляют интерес не как элемент системы грамматического строя, а в плане сведения их к каким-либо иным, более глубоким и существенным, образованиям.

В конце XIX в. классическим примером редуцирующей грамматики была младограмматическая теория, приравнивавшая научное объяснение грамматической формы к выяснению ее исторических истоков, с установлением тех законов, которые повели к выработке данной грамматической формы в ее конкретном виде.

В настоящее время огромным распространением пользуется другой вид редуцирующей грамматики — грамматика генеративная, имеющая многообразные ответвления. Формализованное обличье, в котором генеративная грамматика, как правило, выступает в настоящее время, отнюдь не является необходимым свойством редуцирующей грамматики.

Отнесение генеративной грамматики к редуцирующим теориям может показаться неожиданным. Ведь основная цель этой теории, как явствует из самого ее наименования, состоит в порождении конкретных грамматических структур, реальных предложений данного языка. Философской основой по крайней мере основного направления в генеративной грамматике, связанного с именем Н. Хомского, является гумбольдовская трактовка языка как энергии, как процесса порождения языковых форм.

Недаром генеративная грамматика подчеркивает свою ориентацию на языковую практику — в частности, свое стремление помочь преподаванию языка.

Но если построение конкретных грамматических конструкций и является целью генеративной грамматики, то средством для достижения данной цели является восхождение от этих конструкций к тем более существенным и глубоким структурам, которые лежат в их основе и развертывание которых и порождает — с точки зрения генеративной грамматики — данные конструкции. Исследовательская методика генеративной грамматики состоит в том, чтобы найти пути от конкретных грамматических форм в их реальном существовании к неким более внутренним глубоким формам, которые в них проявляются. Именно этому служат трансформации, которые составляют основную движущую силу генеративной грамматики, нередко получающей даже наименование трансформационной грамматики, и состоят в трансформировании конкретных грамматических конструкций с целью получения неких исходных, основополагающих (для языкового строя) структур (например, «ядерных предложений»).

Основная направленность научного постижения у генеративной грамматики отчетливо выявляется в широко применяемых ею терминах «поверхностные структуры» и «глубинные структуры», соответственно обозначающих конкретные грамматические конструкции, как они выступают в речевой цепи и в синтаксической парадигматике (например, группа существительного), и лежащие в их основе ядерные предложения (или иные исходные образования). В самом термине «поверхностные структуры» заключено прямое указание на то, что суть научного исследования по отношению к ним должна заключаться в нахождении тех исходных структур, модификациями которых они являются.

Итак, при исследовании методами генеративной грамматики обнаруживаются две стороны: одна, как бы познавательная, заключается в сведении конкретных грамматических форм к «глубинным структурам», что достигается путем разного рода трансформаций (трансформационная грамматика), и другая, как бы практическая, ведущая в обратном направлении, т. е. показывающая (на основе фактов, установленных познавательной трансформационной грамматикой), как глубинные структуры развертываются в те или иные конкретные грамматические конструкции (генеративная или порождающая грамматика в узком смысле слова).

Возникает вопрос, что же могут реально дать для языкознания обе эти стороны генеративной грамматики и сама генеративная грамматика как таковая? Рассмотрим несколько возможных аспектов постижения языка в плане порождения грамматических форм.

Процесс порождения грамматических конструкций может пониматься генетически, т. е. как исторический путь их возникновения. Однако генеративная грамматика сама никоим образом не претендует на то, что ее трансформация воспроизводит генезис соответствующих форм. А если обратиться к языковому материалу, то сразу же обнаружится, что такое совпадение между историческим путем становления определенной грамматической конструкции и ее получением на основе трансформационных преобразований «глубинных структур» может быть лишь случайностью. Так, сведение большинства форм группы существительного или типов сложных существительных к «ядерным предложениям» не отражает — по крайней мере в индоевропейских языках — истории возникновения этих структур.

Процесс порождения грамматических конструкций может пониматься как процесс психофизиологический, т. е. как работа определенного психофизиологического механизма, в результате которой некие первично на-

личные в долговременной человеческой памяти конструкции переоформляются в складывающиеся в процессе речи «поверхностные грамматические структуры». Однако при таком восприятии процесса генерирования грамматических конструкций он целиком уходит из ведения лингвистики и переходит в ведение психологии и физиологии речи.

Конечно, доказательство психофизиологической мотивированности трансформационных операций генеративной грамматики имело бы огромное значение для прикладного языкознания, для методики преподавания языка (как иностранного, так и родного), но не непосредственно для теории грамматики. Однако такого доказательства психофизиологической мотивированности трансформационных операций генеративной грамматики в общем виде еще нет, и мы позволим себе высказать предположение, что для подавляющего числа тех трансформаций, к которым прибегает генеративная грамматика, такое доказательство и не может быть получено. Отработанность различных синтаксических конструкций (а не только основных схем предложения) как в плане их формы, так и в плане свойственных им значений для говорящих на родном языке настолько велика, что мобилизация для участия в высказывании, например, группы существительного может происходить и без обращения к такому опосредствующему звену, как тип предложения, выражающий аналогичную семантику. Конечно, в процессе разветвления речи вполне возможно, что говорящий по тем или иным причинам переходит от первоначально намечавшейся им, как бы «вертевшейся у него на языке» конструкции к другой, равнозначной и почему-либо более удобной или выразительной в данном контексте. Но это в равной степени может быть и переход от намечавшейся группы существительного к подчиненному предложению, и переход от намечавшегося подчиненного предложения к группе существительного и т. п.

Таким образом, трактовка разрабатываемого генеративной грамматикой порождения грамматических категорий как процесса психофизиологического, во-первых, имеет лишь весьма ограниченный теоретико-грамматический интерес, а во-вторых, не доказана в психофизиологическом плане.

Наконец, под процессом порождения грамматических конструкций может пониматься установление системы грамматических форм соответствующего языка; иными словами, соотношение глубинных и поверхностных структур может рассматриваться как иерархическая грамматическая система. Но грамматическая система языка не может быть построена, если ее компоненты принадлежат разным временным пластам, а всякое порождение предполагает хотя бы минимальное (мгновенное) предшествование порождающего порождаемому. Грамматическая система существует как соотношение между одновременно находящимися в наличии структурами, которые, хотя и находятся в иерархических отношениях друг с другом, но друг к другу не сводимы.

Итак, процесс порождения грамматических конструкций не дает ключа ни к какой лингвистически значимой общей концепции грамматического строя ни в историческом или психофизиологическом плане, ни в плане системном. По сути дела, процесс порождения грамматических конструкций, разрабатываемый генеративной грамматикой, есть лишь набор приемов, служащих для освещения некоторых сторон грамматического строя.

То, что трансформационный анализ фактически развился как дополнение к другим методам изучения грамматического строя, признает и сама генеративная грамматика в лице ее ведущего представителя, Н. Хомского. Он прямо объяснял обращение к методу трансформаций, вообще к «порождению» одних грамматических форм из других, несовершенством прежней американской дескриптивистики. Генеративная (трансформационная) грамматика, по его мнению, сохраняя формализованность грамматического

описания, восполняет своими приемами грамматику НС, позволяя охватить такие явления, которые не поддавались учету при анализе по НС⁸. Существенно то, что это явления семантические, касающиеся смыслового содержания и смысловых отношений грамматических форм. Сведение одной формы к другой базируется в трансформационной грамматике на единой семантической основе у исходной формы и у формы преобразованной (хотя обычно все же смыслового тождества у них не наблюдается). Подлинное значение генеративной грамматики в том, что она позволила, не покидая формализованной почвы структурализма, оперировать значениями грамматических форм. А так как без обращения к значению грамматический анализ оставался чрезвычайно обедненным, то трансформационная грамматика явилась своего рода извлечением для американского дескриптивизма, открыла ему новые пути. Она явилась ценнейшей находкой и для многочисленных лингвистов во всем мире, которые понимали необходимость работы с грамматическими значениями, вообще с семантикой, но оставались на платформе формализованных методов.

Будучи использованными даже и в открытых грамматических теориях, трансформационные приемы могут помочь при семантическом анализе грамматических форм, позволяя в отчетливом виде представить разные семантические связи, которые существуют, например, между существительным и определением в той или иной форме. Правда, для достижения этой цели трансформации фактически применялись в грамматике уже давно. Так, деление определительного родительного на *genitivus subjectivus* и *genitivus objectivus* представляет собой не что иное, как результат трансформаций, т. е. развертывания определительного сочетания в иную синтаксическую структуру, семантически более однозначную и более непосредственно связанную с основным составом предложения. Этот пример подтверждает реальную пользу, которую может принести прием трансформации для уточнения и выявления смысловой емкости грамматических форм. Конечно, выяснение семантики грамматической формы путем ее сопоставления с иной семантически более однозначной формой не обязательно должно связываться с операцией трансформации.

Блеск генеративной грамматики, ее необычайная популярность у многих лингвистов в разных странах, в том числе и у нас, и объясняется своеобразным сочетанием той фактической ценности, которая свойственна ее приемам, с тем фактом, что она явилась путем для возвращения семантики в дескриптивистскую грамматику, причем ее формализованное обличье придает ей особую модность и кажется гарантией подлинной научности.

Но генеративная грамматика претендует на большее, чем простое восполнение других грамматик. Она хочет быть главной и решающей теорией для анализа естественных языков. Абсолютизация генеративной грамматики ставит ее в ложное положение, заставляет браться за задачи, которые она не может решить и которые вообще не в состоянии решить никакая редуцирующая грамматическая теория, и вызывает критику, резкость которой почти беспрецедентна в истории языкознания⁹. В настоящее время приходится говорить не только о блеске, но и о нищете генеративной грамматики.

Только «прямые» теории грамматики, которые рассматривают грамматическую систему как соотношение компонентов, одновременно существующих в этой системе и непосредственно увязываемых с выражаемым ими смысловым содержанием, могут дать цельную и адекватную картину грам-

⁸ См.: Н. Хомский, О понятии «правило грамматики», сб. «Новое в лингвистике», IV, М., 1965, стр. 50.

⁹ См., например: Дж. Хердан, Кризис современного общего языкознания, ВЯ, 1968, 2.

матического строя естественных языков. В этой картине, где устанавливаются многообразные связи, существующие между грамматическими структурами, значительнейшее место уделяется, естественно, установлению иерархии грамматических структур, которая основывается на реальных свойствах самих грамматических структур и их функционирования. Но эта иерархия совсем иная, чем иерархия глубинных и поверхностных структур.

Иерархия грамматических структур в «прямых» теориях может, конечно, строиться по-разному.

Особенно распространена (чаще всего эксплицитно невыраженная) концепция, в соответствии с которой при включении одних структур в другие как в парадигматическом, так и в синтагматическом плане иерархически господствующими являются включающие структуры, а иерархически зависимыми — включающиеся структуры.

Более сложная система иерархических отношений (при широком толковании понятия иерархии) иногда намечается путем противопоставления грамматических структур более независимых и более зависимых в выражении грамматических значений и в своем функционировании. Так, нередко противопоставляются грамматические структуры, выражающие определенные обобщенные грамматические значения в максимальном удалении от воздействий со стороны ситуации и контекста, и структуры, в своем конкретном оформлении носящие следы определенного воздействия со стороны ситуации и контекста. Структуры первого рода рассматриваются как иерархически более высокие, господствующие — в том смысле, что они, являясь устойчивыми, отработанными компонентами языковой системы, не нуждающимися для своего функционирования в дополнительных стимулах, служат основой для образования структур модифицированных под влиянием дополнительных (контекстных или ситуативных) стимулов в речи. Установление иерархии в таком плане содержится в весьма старом в своей основе противопоставлении в отдельных частях речи форм, выражающих грамматическое значение данной части речи наиболее полно и прямо, при минимальном наслоении на это значение каких-либо других грамматических значений, формам, которым такое наслоение в большей или меньшей степени свойственно. Так, во многих языках именительный падеж существительного противопоставляется косвенным падежам как наиболее общий, который при минимальном осложнении другими значениями выражает значение предметности, свойственное существительным. Именительный падеж как «прямой падеж» оказывается здесь иерархически более высоким, чем другие падежи.

При таком подходе к иерархическим отношениям оказывается возможным рассматривать до известной степени как иерархические и те отношения, которые существуют между поверхностными и глубинными структурами генеративной грамматики. Но эта иерархичность связана не с тем, что одни структуры порождаются другими, а со свойством самих структур выражать определенные грамматические значения более или менее четко. Так, сказуемые или сказуемно-объектные конструкции в элементарном предложении выражают некоторые грамматические значения более отчетливо, чем субстантивная группа с родительным определительным, ср.: *воспитание Павла — Павел воспитывает — Павла воспитывают*.

С этой точки зрения можно сказать, что в системе грамматических структур, выражающих разными средствами одни и те же грамматикосмысловые отношения, ведущими (опорными) являются те структуры, которые выражают данные отношения наиболее однозначно. Рассмотрение связей между такими структурами на основе «прямой» грамматики как сопоставительных, т. е. связывающих одновременно существующие струк-

туры, дает более адекватное представление о реальном характере этих связей, чем рассмотрение этих связей как связей порождения, предполагающих отнесенность связываемых структур к разным временным планам. Это связано с грамматической синонимией, если рассматривать ее как наличие общих грамматических значений у грамматических форм, способных взаимозаменять друг друга, будучи частью семантико-грамматических сопоставительных связей, поскольку эти связи охватывают и формы, для которых взаимозаменяемость невозможна без общей грамматической перестройки текста (супплементные связи).

Что касается обеспечения изучающему язык возможности строить правильные предложения, то «прямые» грамматические теории дают для этого необходимую основу, устанавливая разностороннюю типологию предложений, те модели, по которым надо образовывать все бесчисленное множество предложений, могущих выступить в речи.

4. Одномерные грамматики — многомерные грамматики. Чисто «одномерные» грамматики, т. е. грамматики, рассматривающие грамматическую систему в какой-либо одной плоскости, встречаются редко, но все же встречаются. Так, грамматика зависимостей устанавливает лишь систему синтаксических зависимостей в предложении одних словоформ от других¹⁰. Чаще встречаются грамматические теории, рассматривающие грамматическую систему не в одном, но в малом количестве измерений. Мы условно причисляем здесь и эти грамматические теории к типу «одномерных», противопоставляя этому типу тип «многомерных» грамматических теорий, которые (эксплицитно или имплицитно) ставят своей задачей охват всех измерений, в которых существует грамматическая система, даже если практически этого и не удастся достигнуть полностью.

Термины «мера» и «измерение» употреблены здесь в значении: сторона грамматических явлений, качественно не сводимая к другим сторонам. Так, в сфере глагола во многих языках существуют такие категории и формально-грамматические классы, как лицо, время, наклонение, залог, тип спряжения (иногда вид и др.), которые, не являясь в синхронном плане модификациями друг друга, представлены в разных сочетаниях у глаголов данного языка. В речевом ряду многомерность образуется наличием у одного и того же отрезка речи целого ряда не сводимых друг к другу грамматических значений¹¹. Таким образом, под многомерностью здесь понимается многоаспектность грамматических явлений и многолинейность (партитурность) грамматических значений в речевом ряду.

Число «маломерных» грамматических теорий весьма значительно. К ним относится большинство структуралистских концепций, особенно дескриптивизм. Правда, на практике почти все грамматические теории принуждены затрагивать самые различные аспекты грамматических форм (речь идет о грамматических теориях, ставящих себе задачей не постижение грамматического строя, а именно его описание, которое не исключает и множества других описаний). Так, при описании предложения вряд ли удастся обойтись без упоминания о типах предложения, различающихся по своему составу, по своей синтаксической соотнесенности с другими предложениями (простое самостоятельное предложение, главное предложение, подчиненное предложение и т. д.), по своей коммуникативной задаче (повествовательные, побудительные и вопросительные предложения) и т. д., а это фактически есть (хотя бы имплицитный) анализ предложения по его различным аспектам, т. е. измерениям. «Минимумом» измерений для

¹⁰ Ср.: К. Харпер, Д. Хейс, указ. соч.

¹¹ См.: В. Г. Адмони, Партитурное строение речевой цепи и система грамматических значений в предложении, ФН, 1961, 3.

большинства «специализированных» грамматик является введение парадигматического и синтагматического аспектов.

Многомерность в трактовке грамматического материала проявляется обычно в грамматических работах лишь имплицитно — в стремлении учесть все, что характерно для изучаемого грамматического строя, хотя бы это вело к некоторой внешней сложности и асимметричности в организации материала. Многомерны, например, «Синтаксис русского языка» А. А. Шахматова и «Deutsche Grammatik» Г. Пауля. Многомерны также лучшие «школьные» грамматики конца XIX в. и начала XX в. Среди новейших работ тенденцией к многомерности характеризуются исследования, не порывающие связей с традиционной грамматикой.

Многомерный подход к грамматическим явлениям связан с (эксплицитным или имплицитным) признанием наличия у грамматических явлений ряда качественно различных сторон, не сводимых друг к другу, что означает необходимость выдвижения не одного, а нескольких критериев для классификации, т. е. для определения и разграничения грамматических категорий. Такой подход к грамматическим явлениям нередко вызывает обвинения в недостаточной логической стройности или просто в нарушении правил формальной логики, в связи с чем он иногда даже рассматривается как ненаучный. Но в силу полевой природы грамматических явлений многомерность, требующая введения не одного, а ряда критериев, выступает как неотъемлемое свойство грамматических явлений. Таким образом, введение нескольких критериев при классификации грамматических явлений оказывается не только допустимым, но и необходимым научным приемом.

5. **Некоторые выводы.** Мы рассмотрели три противопоставленные друг другу «пары» типов грамматических теорий. Выяснилось, что для осуществления центральной задачи грамматической теории — для обеспечения адекватного постижения грамматического строя естественного языка во всей его целостности и сложности пригодны открытые, прямые и многомерные теории. Это не означает, что противостоящие им формализованные, редуцирующие и одномерные теории вообще не нужны и бесплодны. Они также могут принести и часто приносят значительную пользу для решения специфических прикладных задач, которые стоят перед языковедением, а также для освещения отдельных сторон грамматического строя. Но они не в состоянии охватить грамматический строй как цельное явление.

Между открытыми, прямыми и многомерными грамматическими теориями существуют органические связи. По самому своему существу открытая теория предрасположена к тому, чтобы быть прямой и многомерной. Однако не всякая прямая теория является открытой, не всякая многомерная теория является прямой и т. д. С другой стороны, тесные связи существуют между формализованными, редуцирующими и одномерными грамматическими теориями. Однако и здесь — и даже в еще большей мере — возможны значительные расхождения; формализованная теория отнюдь не обязательно должна быть редуцирующей и т. д.

Выдвинутые нами три типа противопоставленных друг другу грамматических теорий, таким образом, не покрывают друг друга. Каждая конкретная грамматическая теория (эксплицитно или имплицитно выраженная) может быть определена, исходя из этой типологии. Так, «грамматика зависимостей» является формализованной, прямой и одномерной.

При всем различии между противостоящими друг другу типами грамматических теорий и несмотря на то, что некоторые из них говорят на столь различных «языках», т. е. употребляют столь различные символы, формулы, определения грамматических форм и т. д., что перестают понимать друг друга, между ними есть и глубочайшая связь. Она состоит в том, что

все типы грамматических теорий так или иначе исследуют один и тот же объект — грамматический строй естественных языков. Правда, некоторые из них концентрируют свое внимание исключительно на отдельных сторонах этого строя, отвлекаясь от всех других его сторон. Но так как в своем реальном существовании грамматический строй каждого естественного языка является единством, все стороны которого так или иначе соотносены друг с другом, то фактически все грамматические теории, все «грамматики», описывающие данный естественный язык, если только они не являются абсолютно надуманными и ложными в применении к соответствующему языку, не могут быть абсолютно чуждыми друг другу, а либо дополняют, либо повторяют (в различных терминах) друг друга. С точки зрения всех многочисленных аспектов и форм грамматической системы данного языка они как бы «накладываются» друг на друга на соответствующих участках этой системы, иногда совпадая целиком, иногда совпадая лишь частично.

Отсюда проистекает необходимость — для обеспечения полноты в познании изучаемого объекта — в сведении воедино всех результатов, получаемых отдельными грамматическими теориями. Добиться этого можно не путем простого сопоставления соответствующих теорий и не путем создания особой «метатеории», стоящей над всеми конкретными грамматическими теориями¹². Поскольку задачу всестороннего постижения грамматического строя ставят перед собой лишь теории, являющиеся одновременно открытыми, прямыми и многомерными (а не формализованные, редуцирующие и одномерные теории), сведение воедино достигнутых результатов целесообразно осуществлять на базе именно этих теорий. Частично это уже имеет место, проявляясь в том, что общими терминами при сопоставлении терминологии различных «грамматик» нередко оказываются термины традиционной грамматики. При дальнейшей разработке теории такого типа смогут явиться подлинными метатеориями, а употребляемая в них терминология явится как бы метатерминологией всего множества грамматических теорий, описывающих данный язык. По отношению к такой метатеории многообразные другие теории окажутся на положении частных, подчиненных теорий, иногда даже выступают лишь как приемы (или системы приемов).

Разработка теорий, являющихся одновременно открытыми, прямыми и многомерными, естественно, сопряжена с многочисленными трудностями. И здесь между исследователями возможны значительные расхождения, связанные с различиями в общем понимании природы языка, соотношения формы и значения в грамматической системе и т. д. В настоящее время такие теории, в разной степени эксплицитные, представлены в тех направлениях грамматической мысли, которые не порывают связи с так называемой традиционной грамматикой, стремившейся к полному охвату грамматических явлений, — хотя они и радикально изменяют во многом ту традиционную грамматику, которая сложилась к началу XX в., и прежде всего по линии системной трактовки грамматического строя¹³.

¹² Необходимость создания «метатеории» для изучения грамматических систем постулируется — с позиций формализованной грамматической теории — в работе: Л. З. Сова, Аналитическая лингвистика, М., 1970, стр. 5—7.

¹³ См.: В. Г. Адмони, О многоаспектно-доминантном подходе к грамматическому строю, ВЯ, 1961, 2.